
Филология в лицах

Н. ТАМАРЧЕНКО

ПОЭТИКА БАХТИНА И СОВРЕМЕННАЯ РЕЦЕПЦИЯ ЕГО ТВОРЧЕСТВА

Слово «поэтика» в России в последние два десятилетия употребляется в самом широком и неопределенном значении («поэтика террора», «поэтика культуры» и т. п.), причем гораздо чаще, чем в своем **собственном прямом смысле**. Но мы будем рассматривать как раз те идеи, ту терминологию и систему понятий Бахтина, которые относятся к области *научной* (то есть не «нормативной», не предписывающей правил создания литературных произведений) поэтики как *специальной литературоведческой дисциплины*. Впервые в таком качестве она была разработана у нас А. Веселовским и А. Потебней, а вслед за тем — формалистами.

Другой вопрос — насколько исследования Бахтина по этой дисциплине *одновременно и выходят за ее пределы*, установленные в особенности русским формализмом. Иначе говоря: в какой мере и каким образом теория словесного художественного творчества у Бахтина *возвращается* к тому симбиозу поэтики с философской эстетикой, который был присущ некоторым периодам

предшествующего развития этой теории, начиная с Платона и Аристотеля?

В своем прямом значении выражение «поэтика Бахтина» *в печати* было, по-видимому впервые, использовано еще В. Турбиным — см. его статью «У истоков социологической поэтики» в сборнике «М. М. Бахтин как философ» (М.: Наука, 1992), — а затем мною — в статье, специально посвященной этому предмету¹. Однако восприятие и особенно оценка идей Бахтина в России (почти исключительно об отечественной рецепции и пойдет речь), сложившиеся в последние два десятилетия, таковы, что разговор о его поэтике может более, чем когда-либо, показаться совершенно неоправданным.

В последнее время приобрели широкую популярность и получили безусловное признание идеи, *исключающие* серьезное и ответственное отношение к Бахтину как литературоведу, которое было характерно для 1960-х — первой половины 1980-х годов. Эти новые идеи утвердились настолько, что, как правило, принимаются за окончательную истину, не требующую никакой аргументации: по причине, как представляется многим, своей полной самоочевидности². По крайней мере, тем, кто не хочет отстать от новейшей научной моды либо опасается зачисления в ретрограды.

¹ Тамарченко Н. Д. Поэтика Бахтина: уроки «бахтинологии» // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1996. № 1. Замечу, кстати, что я пока не встречал никаких возражений на основные тезисы этой статьи.

² Ср.: «...четырнадцать признаков “мениппей” как жанра отчасти повторяют друг друга, в ряде случаев находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, и под них в конце концов можно “подвести” практически любой текст» (Попова И. «Мениппова сатира» как термин Бахтина // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 102. Далее при ссылках на этот журнал — ВЛ). Выше (там же, с. 88) это мнение изложено как общепринятое и самоочевидное. Видимо, поэтому *само определение* жанра мениппей Бахтиным в статье *не приводится и не*

Попытаюсь вкратце изложить **основные установки** такой новейшей и чрезвычайно влиятельной рецепции Бахтина:

1. Его следует считать *не литературоведом, а философом*, который лишь под влиянием неблагоприятных социальных и политических условий и обстоятельств советской эпохи вынужден был излагать свои идеи в *неадекватной* для них форме литературоведческих исследований.

Такое убеждение привлекает умы настолько, что оно объединило, например, Вадима Кожинова (позднего) и Михаила Гаспарова, во всем прочем, как известно, — непримиримых антагонистов. (Разумеется, для одного из них сформулированный тезис имел знак плюс, а для другого — минус.)

2. Исследования Бахтина, в первую очередь его книги о Достоевском и Рабле, строятся *не на научных понятиях, а на метафорах*.

Скажем, слово «сюжет» означает в них совсем не то, что у литературоведов, будучи знаком-заместителем неких сугубо философских значений (Н. Бонецкая). Иногда такого рода «иносказания» смело расшифровываются. Например, «полифонию» объявляют всего лишь *эвфемистической* (в условиях советской цензуры) заменой других, отнюдь не филологических понятий: «сбор-

анализируется. Ни о какой попытке проверить, действительно ли под упомянутые признаки «можно подвести практически любой текст» (а стоило бы попробовать проделать эту увлекательную операцию хотя бы с текстом «Войны и мира» или, на худой конец, любого тургеневского романа!), также нет и речи.

В действительности, от специалистов в области классической филологии можно услышать и совершенно иное мнение о значении для науки трактовки Бахтиным жанра менипповой сатиры. См.: *Мальчукова Т. Г.* Наследие М. М. Бахтина и изучение античной литературы // *Мальчукова Т. Г.* Филология как наука и творчество. Петрозаводск: Петрозаводский ун-т, 1995. С. 275—276 и др.

ности» в одном варианте (И. Есаулов и др.), «плюрализма» — в другом. Под именем же «карнавальной культуры» скрывается, по мнению многих, нарисованная Бахтиным картина подлинного отношения народа к сталинскому режиму.

В этой идее метафоричности, точнее — *иносказательности* текстов Бахтина, также сходятся его читатели самых разных, иногда прямо противоположных идеологических ориентаций и различных профессиональных занятий. Например, с одной стороны, — некоторые «бахтинологи»; с другой — многие специалисты по Достоевскому. Особенно те, кто пишет в последние годы о «христианском реализме» этого писателя, то есть о его *идеологии*, характеристика которой при этом выдается за описание поэтики произведений.

3. Отсюда современное отношение к книгам «Формальный метод в литературоведении» (ФМЛ) и «Марксизм и философия языка» (МФЯ), которые никак нельзя счесть завуалированным или иносказательным изложением философских идей: их **специальный** (*филологический*) характер слишком очевиден. Речь идет о новейшей тенденции считать, что названные филологические работы не только не написаны Бахтиным, но даже им *не инспирированы*, то есть целиком, с начала и до конца, самостоятельно задуманы и созданы Павлом Медведевым и Валентином Волошиновым.

Показательно, что по отношению к названным двум книгам в 1960—1970-е годы господствовало *доверие* свидетельствам об авторстве Бахтина тех ученых (Вяч. Вс. Иванова и С. Бочарова), которые его лично и достаточно близко знали, а также хорошо знали некоторых выдающихся литературоведов и лингвистов того же примерно поколения (В. Виноградова, Н. Берковского, Л. Пинского, В. Шкловского), посвященных в этот «секрет полишинеля», и которые пользуются заслуженным авторитетом — не только научным, но и нравственным. Очевидной представлялась тогда и несоизмеримость научного уров-

ня и масштаба личности Бахтина с фигурами формальных авторов этих книг³.

В последние же два десятилетия картина радикально изменилась⁴: возобладало, напротив, *недоверие* к этим свидетельствам и не подкрепленное сколько-нибудь серьезными доказательствами противоположное убеждение⁵. Точнее сказать, — страстное верование. Ведь если признать, что основные идеи этих книг, а может быть, и сами их тексты принадлежат Бахтину, хотя они изданы под другими именами, новейший подход к работам ученого окажется крайне сомнительным.

³ Традиция такого отношения к «спорным» текстам, опубликованным под именами Медведева и Волошинова, продержалась до самого начала 1990-х, о чем свидетельствует вышеупомянутый сборник статей «Бахтин как философ».

⁴ Ср. впечатление другого наблюдателя, высказанное по тому же поводу: «...резкое изменение событийно-исторического затекста в 1990-е годы сместило преобладавшие прежде ценностные ориентиры едва ли не на противоположные» (*Махлин В. Л. Незаслуженный собеседник. (Опыт исторической ориентации)* // Бахтинский сб. Вып. 5. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 46).

⁵ Чрезвычайно показательно отношение к совершенно определенной и твердой позиции С. Бочарова в вопросе об авторстве «спорных» текстов, выраженной в его известной статье «Об одном разговоре и вокруг него» (Новое литературное обозрение. 1992. № 2. Далее — НЛО). Приведенные или упомянутые здесь недвусмысленные свидетельства об авторстве Бахтина — его самого и целого ряда его современников (Виноградова, Берковского, Шкловского, вдовы Волошинова и т. д.), а также наблюдения автора статьи над терминологией и понятийным аппаратом некоторых текстов, «спорных» и вполне бесспорных (бахтинских «де юре»), то есть установление единства их научного языка, его идея «авторства в полумаске», — все это и многое другое сторонники противоположной версии авторства, как правило, в целом игнорируют. Не знаю ни одной попытки ответить на это в высшей степени внутренне цельное выступление именно как на нечто единое. Но отдельные суждения Бочарова, высказанные в этой его публикации, иногда либо оспариваются, либо излагаются и перетолковываются таким образом, чтобы создать впечатление невольного (и столь чаемого!) согласия с оппонентами.

Штудии на уже пресловутую тему «круга» или «школы» Бахтина в последние годы становятся все более модными и все более радикальными по своим выводам. Их конечная цель — доказать, что в рамках, определенных этими двумя выражениями, роль ученого как генератора идей, как ведущего и влияющего на других философа и теоретика искусства сильно преувеличена⁶; что на эту роль вполне могут претендовать его друзья 1920-х годов П. Медведев и В. Волошинов.

4. Наконец, сформулированные тезисы не могли бы приобрести такую популярность, если бы не поддерживались еще одним соображением. Речь идет о категорическом, хоть и не имеющем достаточных обоснований, *отрицании внутренних связей между идеями, терминами и понятиями*, содержащимися в известных работах Бахтина. Господствует представление об исключительной тематической пестроте и фрагментарности всего его научного творчества.

Подчеркну: я отнюдь не ставил перед собой задачу изложить и охарактеризовать даже и самые репрезентативные современные высказывания о Бахтине. Я лишь попытался выявить и сформулировать те устойчивые и при этом — в значительной мере — *априорные предпосылки* но-

⁶ В аннотации вышедшего в 2004 году в Манчестере сборника статей «Бахтинский круг: в отсутствие Мастера» сообщается, что «достижения Бахтина преувеличены пропорционально умалению мыслителей, с которыми он контактировал в 1920-х гг.». См.: *Васильев Н. Л.* «Круг Бахтина», или Квадратура круга // *The Bakhtin Circle: In the Master's Absence* / Ed. by C. Brandist, D. Shepherd, G. Tihanov. Manchester; N.Y.: Manchester U.P., 2004. (НЛО. № 78. 2006. С. 408). Интересно бы узнать, откуда известно, что именно и насколько «преувеличено», а что «умалено», и какой критерий используется для определения *меры* достижений каждой из сторон (не считая, разумеется, стремления к простой замене прежних «пропорций» на прямо противоположные)?

вейшего восприятия его идей, которые определяют основной (с точки зрения нашей темы, разумеется) *вектор* этого восприятия.

Это, во-первых, акцентирование якобы существующей в творчестве Бахтина разобщенности между философскими и литературоведческими проблемами и понятиями; во-вторых, — недопущение даже и мысли о том, что идеи ученого в области поэтики связаны друг с другом и, тем более, что они представляют собой продуманную систему. Стоит также обратить особое внимание на то, что изложенные предпосылки — не отдельные, разрозненные и значимые сами по себе положения, а внутренне связанный и цельный идеологический комплекс.

Такой комплекс идей о Бахтине складывался в России начиная с эпохи перестройки под воздействием двух основных, причем *прямо противоположных* факторов. С одной стороны, — растущая популярность постструктурализма и деконструкции (не столько их методов и методик, сколько общих мировоззренческих установок); с другой — все более настойчивые попытки *вернуть* русское литературоведение в лоно одной и единственной авторитетной идеологии — на сей раз ортодоксально-религиозной. В сущности, это было **размывание границ научности** — с двух разных сторон.

Поэтому обеим идеологическим экспансиям в область филологии противостояло стремление таких ученых, как Михаил Гаспаров, выстроить китайскую стену между *философией* (обреченной, с его точки зрения, на «художественность» и, соответственно, — вымысел) и *позитивной* (то есть «настоящей», опирающейся на бесспорные факты) *наукой*⁷. В пылу идейной борьбы оказался, однако, вне по-

⁷ Чуть не единственный случай серьезных и убедительных возражений против гаспаровской антиномии философского «творчества» и филологического «исследования» — статья С. Бочарова «Бахтин-филолог: книга о Достоевском» (ВЛ. 2006. № 2). См. также: *Тамарченко Н. Д.* Актуальность Бахтина (Полемические заметки) // Фи-

ля зрения тот общеизвестный факт, что европейская поэтика в ходе своей истории неоднократно выступала в тесном и вполне добровольном союзе с философией. Это было и в момент ее рождения (у Платона и Аристотеля), и на рубеже XVIII—XIX веков (у Гете и Шиллера, Шеллинга и Гегеля) и, наконец, в эпоху символизма — например, у Ницше, Вяч. Иванова и Андрея Белого, оказавших на Бахтина наиболее непосредственное и сильное влияние.

Обрисованный исторический контекст, на мой взгляд, объясняет как причины массового и крайне резкого (иногда — ожесточенного) отталкивания от идей Бахтина в последние два десятилетия, так и огромное воздействие перечисленных выше установок восприятия этих идей на современное, если можно так выразиться, *научное подсознание*.

Эти установки действуют как истины, уже окончательно проверенные (хотя их никто не проверял) и авторитетные настолько (это в особенности — авторитет академика М. Гаспарова), что требование доказательств многие считают свидетельством в лучшем случае неосведомленности или отсталости, а в худшем — злонамеренности. На почве такого рода *априорных* умонастроений любая более или менее умелая и достаточно эмоциональная риторика покажется неизмеримо убедительнее любой спокойной научной аргументации.

И все же возникают определенные сомнения уже и по первым двум пунктам. Что касается третьего и четвертого, то они представляют собою настоящие проблемы и требуют особого рассмотрения.

логический журнал. 2006. № 2 (3). С. 179–186. Между прочим, этот тезис Гаспарова — не что иное, как парафраз суждения Н. Минского: «Наука раскрывает законы природы, искусство творит новую природу» (см.: Критика русского символизма. Т. 1. М.: Олимп, 2002. С. 26). Только оценка соотношения науки с ее антиподом у двух авторов прямо противоположна.

Во-первых, почему нам следует соглашаться с тем, что любые литературоведческие термины Бахтина не являются таковыми, скрывая в себе чисто философские или религиозно-философские значения?

С одной стороны, для того чтобы всерьез аргументировать подобное утверждение, необходимо сначала *полностью и тщательно изучить* бахтинский «тезаурус». Но никто из тех, чьи мнения я приводил, такой работой никогда не занимался.

Попытки систематического изучения научного языка Бахтина, а следовательно, и традиций, с которыми он связан, предпринимались в 1990-е годы в России (Москва, РГГУ), а также, насколько мне известно, в США (В. Ляпунов) и Канаде (А. Садецкий). Но ни общественной поддержки, ни широкого резонанса они не получили. И все же возникло несколько работ на эту тему, выполненных по строгой лингвистической методике. В одной из них показано, например, что все известные нам случаи употребления Бахтиным термина «полифония» неукоснительно сохраняют определяющие признаки обозначенного этим словом весьма точного и строгого музыковедческого понятия⁸.

В то же время популярному представлению об «иносказательном» и даже зашифрованном содержании книг и вообще высказываний Бахтина на литературоведческие темы противостоит специальное изучение действительного философского содержания таких его текстов, как «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности». Оно делает совершенно очевидным тот факт, что самые общие категории нравственной философии ученого и его самые конкретные высказывания на

⁸ См.: Магомедова Д. М. Полифония // Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования. М.: РГГУ, 1997. Ср.: Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Intrada, 2008. С. 174–176.

литературоведческие темы *связаны* напрямую *через его же философскую эстетику*. И что идеи Бахтина в этой сфере, весьма далекой от каких-либо иносказаний⁹, опирались на мощную научную традицию и огромное количество источников¹⁰.

Во-вторых, вызывает большие сомнения обоснованность суждений (весьма безапелляционных) некоторых специалистов по Достоевскому, согласно которым книга Бахтина о романах писателя, в сущности, не научна, а художественна («сплошь метафорична»). Ведь это утверждают как раз те самые литературоведы, которые в своих собственных трактовках произведений великого романиста следуют за религиозно-философской критикой рубежа XIX—XX веков. А самой этой критике метафоричность манеры изложения была в высшей степени свойственна (достаточно вспомнить, например, книгу Бердяева о мирозерцании Достоевского)¹¹.

⁹ В работе «К философии поступка» Бахтин высоко оценивает «современную философию (особенно неокантианство)», сумевшую «наконец выработать совершенно научные методы (чего не сумел сделать позитивизм во всех своих видах, включая сюда и прагматизм)» (*Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 тт. Т. 1. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 22.* Далее при ссылках на это издание том и страницы указываются в тексте в скобках — римской и арабскими цифрами. Разрядка в текстах Бахтина при цитировании всюду заменяется — по техническим причинам — полужирным шрифтом. По другим, более ранним, изданиям цитируются лишь те исследования ученого о романе, которые должны войти в неизданный пока том 3 Собрания его сочинений).

¹⁰ Впервые со всей полнотой и убедительностью это продемонстрировано в комментариях к первому тому Собрания сочинений Бахтина. Следует отметить также позитивный опыт системного изучения эстетических идей Бахтина в немецкой философско-филологической традиции (Р. Грюбель, У. Шмид, М. Фрайзе).

¹¹ Ср.: «...помню, что о Бердяеве М. М. высказался как о безусловно интереснейшем явлении, но что он все-таки несколько легковесен, что он больше журналист...» (*Пономарева Г. Б. Высказанное и*

Кроме того, литературоведы, отрицающие научность упомянутого исследования Бахтина, повторяют в своих работах те самые попытки интерпретировать смысл художественных произведений Достоевского на основе *идей их персонажей*, которые этот ученый в свое время оспорил. Но ведь он-то и показал, что интерпретации такого рода **не научны**, поскольку они не учитывают принципиальное различие между *жизненной* идеологической позицией героя и *эстетической* (то есть «внежизненной») позицией автора. Должны ли мы принимать упреки Бахтину в недостатке строгой научности со стороны такого литературоведения, которое Сергей Бочаров метко назвал «благочестивым»?

1. Проблема авторства и «круг» Бахтина

Итак, заслуживают ли столь безоговорочной поддержки новейшие попытки полностью приписать специальные филологические работы, связанные с ранним Бахтиным, Медведеву и Волошинову?

Какими бы мотивами ни руководствовались сторонники этой очередной «переоценки ценностей» — стремлением ли создать сенсацию (что им, безусловно, удалось), или же восстановить историческую справедливость (в их своеобразном понимании)¹², — они проявляют при этом слишком

невывыказанное... (Воспоминания о М. М. Бахтине) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 3. С. 62. Далее — ДКХ). Правда, Бахтин тут же противопоставил Бердяеву Розанова. Видимо, «полухудожественное», но действительно глубокое философствование (как у Розанова или у Ницше) он отграничивал от легковесного «журнализма»: тонкость, в которую нынешние «разоблачители» Бахтина не чувствуют нужды вдаваться.

¹² Н. Васильев в рецензии на манчестерский сборник статей призывает «развеять миф о Бахтине как единственном генераторе научных идей, становившихся известными публике благодаря трудам его

явную и необъяснимую, на первый взгляд, узость и пристрастность. Ведь рядом с Бахтиным в те же самые годы были и другие люди, отнюдь не менее ему лично близкие и к тому же куда более талантливые, чем Медведев или Волошинов.

Это замечательный и образованнейший литературовед Л. Пумпянский¹³ (к тому же объявивший в 1922 году о намерении издать «очерк критики формального метода»¹⁴). Это, далее, столь серьезный философ, как М. Каган (кроме него и Бахтина никто из участников «круга» или «школы» собственно философских трудов не писал)¹⁵, и такой выдающийся музыковед, как И. Соллертинский, блестящий знаток европейских языков и литератур, в особенности истории драмы и театра¹⁶.

друзей и единомышленников (прежде всего Медведева и Волошинова)». Поскольку упомянутые идеи становились известными публике благодаря не только *ФМЛ* и *МФЯ*, но еще и книге о Достоевском, к числу «трудов», опровергающих «миф», отнесена, очевидно, оказанная автору помощь в издании этой книги. И в самом деле: сделать ее идею «известной публике» — разве это не означает тоже стать генератором научных идей; если не единственным, то хотя бы вторым?

¹³ Неизмеримо более значительный, чем П. Медведев, — как исследователь поэтики русской литературы. Благодаря недавно переизданным основным его работам (см.: *Пумпянский Л. В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000) это стало совершенно очевидным. По крайней мере, для специалистов.

¹⁴ См.: *Николаев Н. И.* О теоретическом наследии Л. В. Пумпянского // *Контекст*-1982. М.: Наука, 1983. С. 294. Ср.: «Мы знаем по недавно изученным архивным материалам, что каждый из членов кружка (не только Волошинов и Медведев) участвовал в исследовании тем, разрабатывавшихся Бахтиным. Когда он пишет книгу о фрейдизме, Л. В. Пумпянский читает множество новых психоаналитических книг» (*Вяч.Вс. Иванов.* Об авторстве книг Волошинова и Медведева // *ДКХ.* 1995. № 4. С. 137).

¹⁵ О близости философских идей Бахтина и М. Кагана, а также о связи обоих мыслителей «с поздней фазой философии марбургской школы» см.: *Пул Б.* «Назад к Кагану» // *ДКХ.* 1995. № 1. С. 38—48.

¹⁶ Важнейшие для Бахтина термины «полифония», «полифонический роман» имеют, как известно, музыковедческое происхождение

Отчего же никто не пытается приписать труды Бахтина этим его трем друзьям или хотя бы объявить их «соавторами», чьи имена почему-либо на книгах не поставлены? На это есть, по-видимому, две причины.

Первая: их весьма высокая научная репутация, безусловно, самостоятельна (то есть существует и помимо отношений с Бахтиным) и вполне определена. Понятно, что представляло для них первостепенный интерес и в чем они, скорее всего, могли быть лишь собеседниками и помощниками (при всех своих знаниях и одаренности). Зато совершенно неясен в этом отношении Волошинов и в значительной мере загадочен Медведев, писавший как раз весьма много, но об авторах слишком уж разного рода и качества (например, то о Блоке, то о Демьяне Бедном). Тут легче предположить, что он написал еще и книгу о формальном методе (особенно если не задумываться над философскими основаниями критики формализма в этой книге).

Вторая: поставить чужое имя на своей книге можно было ведь и потому, что на этот дружеский жест предполагался ответ в виде помощи в издании другой книги (скажем, о Достоевском). Такое соображение никак нельзя сбрасывать со счетов¹⁷. Но ни один из названных трех

ние. И. Соллертинский, использовавший, между прочим (правда, в более позднее время), термины «монологический» и «диалогический» *симфонизм*, — автор работ об эстетике романтизма, о Шекспире и европейском гамлетизме, о Мопассане. См.: *Соллертинский И. И. Избранные статьи о музыке*. Л., М.: Искусство, 1946; Памяти И. И. Соллертинского. Воспоминания, материалы, исследования. Л., М., 1974. (Благодарю за указание на эти детали и источники Д. Магомедову.) По свидетельству Р. Миркиной, «в Институте истории искусств на словесном отделении Соллертинский вел курс психологии и особое внимание уделял Фрейдю» (*Миркина Р. М. Бахтин, каким я его знала* // НЛО. № 2. 1993. С. 68). В упомянутый выше манчестерский сборник вошла, в частности, статья о Соллертинском.

¹⁷ «Печатать уже и тогда было трудно, но помог Павел Николаевич Медведев в благодарность за то, что Бахтин опубликовал под его именем “Формальный метод в литературоведении”. Медведева Ми-

ученых такими возможностями явно не располагал. Зато известны весьма большие возможности в этом отношении не только Медведева, но даже и Волошинова — судя по дневнику О. Фрейденберг¹⁸.

Оборотная сторона «переоценки ценностей» — стремление понизить значимость трудов, безусловно принадлежащих Бахтину (изданных под его именем), и поставить под сомнение собственную их аутентичность. Для этого используется новейшая, опять-таки, версия о неспособности ученого вообще написать какой-либо связный и продуманный, достаточно большой по объему

хаил Михайлович охарактеризовал как “литературного дельца”, но был благодарен ему за то, что тот помог ему осесть в Саранске» (*Бройтман С. Н.* Две беседы с Бахтиным // Дискурс. 2003. № 11. С. 122). Ср. запись С. Бочарова: «...я считал, что могу сделать это для своих друзей, а мне это ничего не стоило, я ведь думал, что напишу еще свои книги...» (*Бочаров С. Г.* Об одном разговоре и вокруг него. С. 71). Ср. воспоминания Вяч. Вс. Иванова: «Это были мои ученики. Они мне предложили, что могут издать мои книги под своими именами. Я согласился» (*Иванов Вяч. Вс.* Об авторстве книг Волошинова и Медведева // ДКХ. 1995. № 4. С. 136—137).

Ю. Медведев в своем известном письме в редакцию ДКХ по поводу воспоминаний Бочарова и Вяч. Иванова, а также аналогичных свидетельств В. Кожина отказался всерьез обсуждать чужие аргументы («Не мне теперь отвечать и спорить с авторами этих запоздалых воспоминаний»). Зато он продемонстрировал обширный репертуар аргументов собственных (включая ссылки на *неопубликованные* рукописи П. Медведева и жалобы на материальный ущерб, который принесли его семье «пиратские» издания «Формального метода» под именем Бахтина). А также уснастил свой исключительно *своевременный* ответ оппонентам личными выпадами против них самой низкой пробы (см.: ДКХ. 1995. № 4. С. 148—156).

¹⁸ Известная запись О. Фрейденберг о предложении Волошинова писать для него книги, за что он будет ее «продвигать», полно и точно воспроизведена и всесторонне (в том числе и полемически) прокомментирована Н. Брагинской. См.: *Брагинская Н. В.* Между свидетелями и судьями. Реплика по поводу книги: *Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2005. (<http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=207419>. Доступ свободный.)

текст. Он якобы испытывал отвращение к писательству¹⁹ и мог сочинять поэтому исключительно краткие фрагментарные записи: тут-то ему и приходили на помощь Волошинов и/или Медведев (что, по мнению одного из «бахтинологов», и произошло с книгой о Достоевском)²⁰.

Отсюда же и демонстративное недоверие подобного рода исследователей к свидетельству Бахтина о его пропавшей книге, посвященной европейскому роману воспитания: не было, дескать, такой книги, и не мог он ее написать. Книга, однако же, была: сравнительно недавно Н. Паньков опубликовал ее план-проспект (45 машинописных страниц) и письмо автора к редактору с указанием общего объема монографии — 10—12 а. л.²¹

Читатель, конечно, может вспомнить по этому поводу не только книгу о Рабле (имеющую, кстати, в 1,5 раза больший объем, чем монография о Достоевском), но и столь обширные, состоящие каждая из нескольких глав, работы (почти книги), как «Слово в романе», «Формы времени и хронотопа в романе». Все названные тексты были написаны тогда, когда какая-либо помощь Бахтину со стороны двух ученых, настойчиво именуемых его равноправными соавторами, а то и просто авторами его книг,

¹⁹ Примерно четверть века назад были впервые опубликованы воспоминания Б. Егорова о том, как к Бахтину пришли польские журналисты с магнитофоном и как он пытался уклониться от интервью, говоря: «Давайте я вам лучше что-нибудь напишу». См.: *Егоров Б. Ф.* Слово о Бахтине // Бахтинский сб. I. 1990.

²⁰ См.: *Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 117. Отчего бы, кстати, и здесь не «привлечь к участию» не только Пумпянского, но и Соллертинского, писавшего и литературоведческие труды, в частности, о Достоевском? (См. в книге избранных его статей о музыке (1946); в сборнике «Памяти И. И. Соллертинского» — по указателю.)

²¹ См.: *Паньков Н. А.* М. М. Бахтин в материалах личного архива В. В. Залесского // ДКХ. 2003. № 1—2 (39—40).

по объективным обстоятельствам была уже совершенно исключена²².

Таким образом, та аргументация в пользу формальных авторов двух «спорных» книг, которую можно назвать *косвенной*, слишком убедительной не выглядит²³. *Прямыми* же аргументами представляются, с одной стороны, свидетельства современников (мемуары, дневники, переписка); в особенности, разумеется, тех из них, кто общался с Бахтиным и задавал ему вопросы на интересующую нас тему.

С другой стороны, существует и принципиально иной подход: можно попытаться определить авторство ученого таким же методом, который используют по отношению к художественным текстам: то есть по языку и стилю (при этом если в случае с художественными текстами имеется в виду в первую очередь словарь образов и мотивов, то в данном слу-

²² В финале своей рецензии на манчестерский сборник Н. Васильев *сетует на то, что Бахтин прожил намного дольше, чем другие из «круга»*, — почти до 80 лет, а то ведь еще не известно, чьим бы именно этот самый «круг» теперь считался, «переживи те же В. Н. Волошинов, П. Н. Медведев, Л. В. Пумпянский своего младшего товарища» (с. 413). (Кстати, Волошинов был *ровесником* Бахтина.) Увлечшись идеей возрастных преимуществ перед Бахтиным его «товарищей», исследователь как-то запаматовал, что все основные работы этого ученого, сделавшие его в глазах мирового научного сообщества тем, что он есть, были написаны в 1920—1930-е годы (включая статьи по теории романа и книги о Достоевском, Рабле и о романе воспитания) и что в 1940 году ему было не 80 лет, а 45. Усердие, конечно, превозмогает многое (в том числе и границы приличия), но превратить Медведева и Волошинова в «генераторов» тех самых идей (вот он — миф!) — дело безнадежное. Хотя бы потому, что в ФМЛ и МФЯ идеи эти получили значительно менее адекватное воплощение, чем даже в книге о Достоевском 1929 года, не говоря уже о более поздних работах Бахтина.

²³ Показательно суждение достаточно объективного наблюдателя: «...точное участие Медведева или Волошинова в разработке представленной здесь теории до настоящего времени определенно не доказано» (*Ковальски Э.* Скрытые формалисты или виднейшие критики формальной школы? // ДКХ. 2001. № 1. С. 89).

чае речь может идти, соответственно, о свойственном работам ученого устойчивом круге понятий или *тезаурусе*).

Попробуем рассмотреть и оценить возможности обоих подходов к решению проблемы.

2. Биографический подход: свидетельства и доказательства

Специалисты по «бахтинскому кругу» предпочитают рассматривать вопрос об авторстве «спорных» текстов (в первую очередь двух книг) в плоскости биографической. Однако имеющиеся в этой сфере данные, как известно, противоречат друг другу, включая разные или неопределенные свидетельства самого Бахтина. Скорее всего, как раз поэтому С. Аверинцев предлагал оставить вопрос открытым.

Тем же, кого такой выход из положения не устраивает, остается, по-видимому, — разумеется, если они хотят придать своим исследованиям научный статус — решать этот вопрос посредством сравнительной оценки степени достоверности мнений, высказанных «за» или «против». Но коль скоро историк «трудов и дней» упомянутого «круга» предпочитает (в отличие от автора этих строк) именно такой метод установления авторства, ему следует приводить и сравнивать, во-первых, суждения как «за», так и «против», причем в равной мере. И, во-вторых, необходимо *эксплицировать критерии*, на основе которых осуществляется сравнительная оценка таких суждений.

К сожалению, на практике не делается ни то, ни другое. Приведу в качестве самого впечатляющего в этом отношении примера одну из новейших публикаций²⁴.

²⁴ См.: *Медведев Ю.* Жертвы «внезаходимости» // ВЛ. 2009. № 6. Далее страницы статьи указаны в скобках.

Во-первых, никакие свидетельства об авторстве Бахтина (или же о том, что авторами «спорных» текстов **не** являются Медведев и Волошинов), принадлежащие людям, которые знали упомянутых трех ученых, здесь не приводятся вообще. Не цитируются и не комментируются также никакие другие мнения этого рода. Единственное исключение — переданный мною рассказ А. Чудакова о его беседе с философом²⁵; рассказ этот Ю. Медведев называет сначала «очередным вариантом слуха» (значит, все-таки об этом говорят или говорили многие!), а затем и вовсе «сплетней» (с. 179). Однако, умолчаниями (а также личными выпадами) дело в этой статье не исчерпывается. Приведу два примера используемых здесь методов впечатляющего «ниспровержения критик»:

1) Совсем не упоминать в такой связи самую известную и значительную для темы публикацию — статью С. Бочарова «Об одном разговоре и вокруг него» — Ю. Медведев все-таки, видимо, не смог. И вот она упоминается (единожды), но как! — в сноске, после фразы о том, что Бахтин «перед смертью решительно отказался подписать бумагу для ВААП о своем авторстве» (там же).

Открываем текст работы Бочарова на указанной в сноске странице (79-й) и с изумлением обнаруживаем, что ничего подобного всеми уважаемый литературовед не говорил: здесь лишь сказано о том, что «поздний Бахтин, признавая свое фактическое авторство в разговорах, не пожелал его узаконить». Ни о смерти, ни о ВААП — ничего²⁶.

²⁵ *Тамарченко Н. Д.* М. Бахтин и П. Медведев: судьба «Введения в поэтику» // ВЛ. 2008. № 5. С. 177.

²⁶ Почему не цитируется то, что на самом деле сказано, это понять нетрудно. Но зачем же ссылаться на то, чего сказано не было?

2) В моей статье, по поводу которой и написан комментируемый здесь масштабный текст о «жертвах внаеходимости», книги ФМЛ и ФФ²⁷, принадлежащие по моему (отнюдь не оригинальному) мнению разным авторам (первая — Бахтину, вторая — Медведеву), сравниваются так: «Но вот беда: “улучшенный”, по мнению В. Н. Захарова, вариант ФМЛ, т. е. книгу ФФ (см. с. 27—28), мало кто читал. И это положение, несмотря на титанические усилия одиноких энтузиастов, вряд ли когда-нибудь хоть на йоту изменится. А вот переработанную и недостаточно лаконичную книгу ФМЛ (“То, что в ФМЛ изложено на десятке страниц, в ФФ сосредоточено на двух страницах” <...>) читали и будут читать все серьезные специалисты по поэтике. Не кажется ли удивительным такой результат переработки литературоведом его собственной (как он утверждал в предисловии к ФФ <...>) книги с целью ее улучшения?»²⁸

Ю. Медведев приводит мой отзыв следующим образом: «Его слова: “Книгу ФМЛ <...> читали и будут читать все серьезные специалисты по поэтике” <...> казалось бы, дорогого стоят» (с. 169—170). Нет, мне это не кажется: *в таком изложении* мои слова явно не стоят ничего. Способ цитирования, свойственный нашему автору, как видно, приносит результат, ничуть не менее удивительный, чем способ редактирования чужой книги, избранный в свое время автором ФФ. Сходство, можно сказать, многозначительное.

Отношение Медведева к чужому мнению и чужому слову, если воспринимать его на фоне традиций науки (но, конечно, не на фоне идеологической полемики 1930-х го-

²⁷ Имеется в виду книга Медведева «Формализм и формалисты» (1934).

²⁸ Тмарченко Н. Д. М. Бахтин и П. Медведев: судьба «Введения в поэтику». С. 184.

дов, с которой связана книга ФФ), отличается, таким образом, неоспоримым своеобразием²⁹.

Во-вторых, критерии, исходя из которых этот исследователь высоко оценивает достоверность и авторитетность приводимых им *утвердительных* суждений об авторстве П. Медведева, не формулируются и не обсуждаются. Приходится лишь догадываться о том, что высокие оценки таких высказываний мотивированы не только близостью мнений реферируемых авторов реферирующему, но также соответствием их (мнений) тут же перечисленным большим заслугам П. Медведева перед отечественной наукой и лично перед Бахтиным, которому он много помогал и вообще покровительствовал — иногда даже с риском для себя. Кроме того, такие мнения высказаны специалистами, имеющими высокий официальный статус (правильного мнения придерживается, скажем, не кто-нибудь, а «вице-президент международного общества Достоевского» и «профессор») и/или опубликовавшими работы на эту тему за рубежом, на английском языке, что, безусловно, повышает их авторитетность.

С. Бочаров, согласившись с предложением С. Аверинцева «оставить проблему нерешенной», заметил: «Есть не

²⁹ Ю. Медведев назвал часть своей публикации «работой над ошибками» моей статьи о Бахтине и П. Медведеве — с целью помочь читателю «перепроверить предложенную ему информацию», «опираясь и ссылаясь на проверенные факты» (с. 194). Как мы убедились, его собственное обращение с фактами отнюдь не безупречно. Однако, если бы я взял на себя аналогичный труд перепроверки, пришлось бы вести речь о работе не над ошибками, а *над уловками*. А заодно и напомнить, что в своем давнем письме в редакцию ДКХ Ю. Медведев обвинял Бочарова в «манипуляциях с цитатами» (ДКХ. 1995. № 4. С. 152). Разумеется, к С. Бочарову эта терминология не имеет никакого отношения. Зато теперь становится понятным, что Медведев имел тогда в виду вполне определенные технические приемы, причем говорил о них со знанием дела.

так уже мало *свидетельств*, но они не могут быть *доказательствами*»³⁰.

Есть, однако, одно свидетельство, которое он, как мне кажется, в этом именно отношении недооценивает.

Я имею в виду письмо Бахтина Кожинуву от 10 января 1961 года. До недавнего времени был известен (благодаря статье Бочарова «Об одном разговоре и вокруг него») лишь *центральный* его *фрагмент*, прямо относящийся к спорному вопросу: начиная с признания автора письма о том, что обе книги, названные его корреспондентом, ему «очень хорошо известны», и заканчивая словами о том, что «основная концепция» этих книг (а также книги о Достоевском) «за тридцать лет совершила, конечно, известную эволюцию».

На этом фрагменте письма, к тому же иногда приводимом без последней фразы об эволюции³¹ (что само по себе знаменательно), и основываются попытки исследователей творчества Волошинова и Медведева убедить всех в том, что письмо это означает документированный³² отказ Бахтина от авторства не только книг, но и объединяющей их концепции (она-то, мол, и есть — в отличие от трех книг, написанных тремя разными авторами, — плод коллективного творчества).

Публикуя полный текст этого письма, Н. Паньков ссылается на прямо противоположные истолкования смысла упомянутого фрагмента С. Бочаровым и Ю. Медведевым. Первый считает, что в нем четко выражена мысль об индивидуальном авторстве «основной

³⁰ Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него. С. 73.

³¹ Ср.: «Этот отрывок часто цитируется, но обычно не полностью» (Пешков И. В. Один вопрос вокруг двух конференций // ДКХ. 1995. № 3. С. 180).

³² Тут стоит вспомнить второе точное замечание И. Пешкова: «..сам по себе факт письменного свидетельства не означает еще свидетельства чего-то определенного» (там же, с. 181).

концепции», то есть о создании ее (хотя и не самих книг) Бахтиным; второй — что четко определен коллективный характер этой концепции. Приведу письменное высказывание Ю. Медведева на эту тему: «Если уж серьезно говорить о доказательствах авторства книг Волошинова и Медведева, то самым надежным из них является непридуманное свидетельство самого Бахтина, не усматривавшего несоразмерности Медведева и Волошинова ОБЩЕЙ с ним “концепции словесного творчества”...»³³. Вывод публикатора: «Пусть читатель сам решит для себя, какой из вариантов толкования кажется ему предпочтительнее»³⁴.

Мне кажется, что для *выбора* более адекватной интерпретации смысла любого текста, в том числе и научного, необходимы *критерии*, которые может дать только анализ его структуры. Попробуем такой анализ осуществить.

Приведу текст полностью³⁵:

10.1.61

Дорогие друзья!

Простите, что замедлил с ответом. Сердечно благодарю за поздравление и добрые пожелания.

Прежде всего отвечаю на Ваш последний вопрос. Книги «Формальный метод» и «Марксизм и философия языка» мне очень хорошо известны. В. Н. Волошинов и П. Н. Медведев — мои покойные друзья; в период создания этих книг мы работали в самом тесном творческом контакте. Более того, в основу этих книг и моей работы о Достоевском положена *общая* концепция языка и речевого произведения. В этом отно-

³³ ДКХ. 1995. № 4. С. 152.

³⁴ *Паньков Н. А.* Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М.: МГУ, 2010. С. 497.

³⁵ Там же. С. 496—497.

шении В. В. Виноградов совершенно прав. Должен заметить, что наличие общей концепции и контакта в работе не снижает самостоятельности и оригинальности каждой из этих книг. Что касается до других работ П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова, то они лежат в иной плоскости, не отражают общей концепции, и в создании их я никакого участия не принимал.

Этой концепции языка и речи, изложенной в указанных книгах без достаточной полноты и не всегда вразумительно, я придерживаюсь и до сих пор, хотя за тридцать лет она совершила, конечно, известную эволюцию. Мне приятно узнать, что она имеет сторонников и сейчас.

По существу же самой концепции разрешите мне написать позже, когда я несколько разгрузюсь и буду чувствовать себя лучше.

Я очень благодарен Вам за Вашу попытку как-то продвинуть мою книгу о Рабле. Сейчас я не надеюсь на успех, но считаю полезным, что Вы напомнили о ней. Книга моя, законченная двадцать лет тому назад, нуждается, конечно, в довольно существенном обновлении, и я надеюсь заняться ее переработкой, если обстоятельства сложатся благоприятно, в ближайшем будущем. Кстати, у меня сохранились копии рецензий на эту книгу Е. В. Тарле, М. П. Алексеева (ныне академика), Б. В. Томашевского и др. Если они могут быть полезны для дела, то я их пришлю. Еще раз благодарю за Вашу заботу.

Примите мои запоздалые поздравления и самые лучшие новогодние пожелания.

Я всегда буду рад известиям от Вас. Не обижайтесь на мои пока краткие и сухие ответы.

Неизменно Ваш
М. Бахтин.

Письмо, во-первых, — элемент переписки, имеющей свой сюжет: оно отражает определенную фазу этого сюжета. С начала эпистолярного общения прошло почти два месяца (первое письмо Бахтину датировано 12.XI.60). Обращение «Дорогие друзья» было и до этого постоянно, поскольку все предшествующие письма направлялись

Кожинным от имени определенной группы лиц (в первом письме разъяснено, что «мы» — это пять сотрудников ИМЛИ). Уже по этой причине письмо Бахтина в строгом смысле не носит *личного* характера.

Нельзя не заметить также, что ответ Бахтина на последнее письмо Кожина, в котором он, *выделяя себя* из группы, задал вопрос о книгах Волошинова и Медведева (и упомянул мнение В. Виноградова об «общей теории художественной речи» в этих книгах и в книге Бахтина о Достоевском), оказался *более сдержанным* («сухим»), чем ответы на предшествующие письма. Видимо, заданный вопрос не мог расположить Бахтина к открытому и теплему общению. Впрочем, адресату оставлена надежда, что явная сухость и краткость — дело временное («пока краткие и сухие»).

Об этих же особенностях письма говорит и заключительное обращение к адресату. 26 ноября 60-го Бахтин заканчивал письмо словами «С уважением и любовью»; 7 декабря 60-го — «С сердечным приветом и любовью». Отвечая на следующее за рассматриваемым текстом — уже вполне личное — письмо В. Кожина от 23 февраля 61-го, — Бахтин подписывается вновь «С любовью и уважением» и т. д.

Как видно, считать ответ Бахтина на вопрос, который со временем приобрел сакраментальный характер, вполне *откровенным* нет никаких оснований. Этот ответ — по тем или иным причинам — несомненно, осторожен: как если бы он учитывал не только личный интерес и личную реакцию Кожина.

Во-вторых, Бахтин строит свой ответ в определенной последовательности; так сказать, в несколько ходов. *Первый ход*. Сначала — названные книги «мне очень хорошо известны». И авторы их — «мои покойные друзья» (никаким свидетельством особой личной близости это выражение считать нельзя, так как адресаты письма, которых Бахтин пока еще никогда не видел и не знает, — «дорогие друзья»). Тут же он говорит о своем «творческом контак-

те» с Медведевым и Волошиновым и о работе над книгами — то ли общей, то ли параллельной — в ходе творческого общения: «в период создания этих книг мы работали в самом тесном творческом контакте». Создается неопределенное, неустойчивое впечатление либо общей работы *над текстами*, либо *совместного продумывания их содержания* (обсуждения идей?): ведь прямо ничего не сказано.

Второй ход (отмечен оборотом «более того»). Оказывается, что в книгах *всех трех авторов* содержится «общая» (подчеркнуто Бахтиным) «концепция языка и речевого произведения», что как будто и заметил В. Виноградов. Но академик говорил (и это отлично известно как автору письма, так и его адресату) *только о точках зрения на стиль*, которые, по его мнению, «однородны» у П. Медведева с работами «М. Бахтина, В. Волошинова и др.»; только у последних они «более ярко выражены»³⁶.

Между тем для дискуссии, которую резюмировал Виноградов в своем выступлении, характерно резкое противопоставление лингвистического и литературоведческого подходов. Сказывается оно и здесь: у Волошинова, действительно, акцентирован более близкий Виноградову лингвистический аспект проблемы стиля, который присутствует также в книге о Достоевском (отсюда бóльшая, по его мнению, «яркость» выражения в этих двух случаях). Тогда как подход Медведева к этой проблеме — вполне литературоведческий.

Сопоставление тем самым обращает наше внимание на то, что именно книга Бахтина о Достоевском *сочетает в себе обе дисциплины, причем в равной степени* (в первом издании она была, как известно, в соответствии с этим разделена на две части). Бахтин и в письме говорит о кон-

³⁶ Цит. по: *Паньков Н. А.* Вопросы биографии и научного творчества Бахтина. С. 495.

цепции не только языка, но и «речевого произведения». Это обстоятельство *подсказывает* вывод касательно того, кому именно из трех авторов книг принадлежит **общая для этих книг** (но не их авторов) концепция. Каковы могли быть на этот счет предположения Кожина, автору письма понять было нетрудно, так как в своем обращении к Бахтину он упомянул о «других, значительно менее интересных работах Медведева»³⁷.

Отсюда *третий ход*: адресата письма сначала (в противовес только что сказанному) убеждают в том, что каждая из книг «самостоятельна и оригинальна», *несмотря* на общую концепцию и «контакт в работе». Разумеется, это довод в пользу того, что каждая из трех книг написана все-таки *одним из трех* авторов, а концепция была у них «общей», возможно, в смысле совместного творчества.

Но следующее сообщение имеет *прямо противоположный* смысл: **другие** работы Медведева и Волошинова «лежат в иной плоскости, не отражают общей концепции». Подчеркнем: речь не о том, что они — на другие темы... Дело как раз в том, что на них *не сказался* «самый тесный творческий контакт»: «...и в создании их я никакого участия не принимал». Таким образом, **участие Бахтина и выразилось в существовании общей для трех книг «концепции языка и речевого произведения»**. Иначе говоря, она-то ему прежде всего и принадлежит³⁸.

³⁷ Там же. С. 492. В более позднем письме (5.XI.64) Кожин прямо говорил, например, о «псевдо-Волошинове» (там же, с. 604). Кстати, В. Турбин, мнение которого о книге ФМЛ привел В. Виноградов, считал автора этой книги (П. Медведева) «рядовым советским критиком». См.: Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963. С. 102.

³⁸ По мнению В. Алпатова, «здесь речь прямо идет о двойном авторстве, но Бахтин берет на себя создание “концепции языка и речевого произведения”» (Алпатов В. М. Бахтин под маской. Маска третья. В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993 [рец.] // ДКХ. 1995. № 3. С. 82).

Об этом же — и *четвертый ход*. Бахтин и по сей день придерживается этой концепции и *развивает* ее («она совершила эволюцию»). Если она была тогда изложена «без достаточной полноты и не всегда вразумительно» **во всех трех книгах**, то это можно понять только следующим образом: тридцать лет назад **он сам** еще **не мог** — по тем или иным причинам — **иначе изложить** эту концепцию (что же говорить о «других работах» Медведева и Волошинова, которые ее и вовсе не выражают, поскольку создавались без участия Бахтина?).

И последнее. Что означает фраза «мне приятно было узнать, что она имеет сторонников и сейчас»? Смущает это «и». Тех, кто «сейчас» разделяет концепцию Бахтина, перечислил в своем письме В. Кожин. Но кто был ее сторонником *тогда*, тридцать лет назад? Единственные имена, которые назвал Бахтин, — это имена его друзей, Медведева и Волошинова.

Подведем итоги. Суждение Ю. Медведева о смысле рассмотренного письма Бахтина приходится признать полностью произвольным, совершенно необоснованным. Это «свидетельство», как мы убедились, отнюдь не является «непринужденным». Но, несмотря на это, письмо ясно говорит именно о «несоразмерности» Медведева и Волошинова концепции, которая является «общей» **не для трех лиц, а для трех книг**. Кстати, и концепцию эту Ю. Медведев именует неправильно: у Бахтина — «концепция языка и речевого произведения»; у исследователя «бахтинского круга» — «концепция словесного творчества».

Если эта подмена и неосознанна (то есть не имеет цели внушить читателю мысль о коллективном, якобы, авторстве «эстетики словесного творчества»), то она, безусловно, не случайна. Ведь с точки зрения говорящего, важны не идеи, которые имел в виду Бахтин (ими-то Ю. Медведев как раз вовсе и не занимается), а факт биографической близости с ученым двух других участников создания «спорных» книг. Прав С. Бочаров: «...это была

самобытно-авторская концепция (каковой мы знаем могучую философско-филологическую концепцию Бахтина), а не плод коллективного творчества»³⁹.

Так к какой же цели должны направить свои усилия те, кто изучает научное творчество Бахтина? На то, чтобы выяснить степень «соразмерности» его творческому потенциалу Волошинова и (в особенности, разумеется!) Медведева? Или на то, чтобы разобраться в той самой концепции, которая была в книгах этих его друзей, пока они работали «в самом тесном творческом контакте» с ним, но почему-то отсутствует в тех работах, где они действовали совершенно независимо от него⁴⁰?

Мы выбираем второе. Именно созданная Бахтиным концепция языка и произведения принесла ему мировую славу и служит источником всеобщего интереса ко всему, что он написал. Она, действительно, как справедливо отметил С. Бочаров, имеет характер одновременно филологический и философский. Не менее важна и другая особенность этой концепции: «филологичность» здесь органически и в равной мере сочетает в себе литературоведческий и лингвистический аспекты.

Отсюда, например, возможность уже замеченного внимательными наблюдателями переключивания замысла

³⁹ Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него. С. 76.

⁴⁰ И пусть нам не говорят, что, не признавая равноправное (с Бахтиным) участие Медведева и Волошинова в создании этой концепции, мы «унижаем» последних двух ученых или же дискредитируем саму идею «творческого диалога». Никакого унижения. И никакой дискредитации. Равноправных Бахтину собеседников — не с этической точки зрения, разумеется, а по уровню философского мышления, причем в области «эстетики словесного творчества», — не было не только тогда. Их нет и сейчас. Но разве такое равноправие в творческом диалоге обязательно? Может быть, кто-то из сторонников идеи подобного равноправия назовет собеседников, равных, например, Сократу? Нет, тут маститые знатоки «бахтинского круга» все-таки чего-то недопоняли...

книги ФМЛ в аспирантский план Волошинова. Тут не только сообщение в одном из научных отчетов аспиранта о подготовке книги, посвященной «социологической поэтике»⁴¹, но также перечисление четырех ее глав — в другом⁴²: факты, которые не могли не вызвать недоумения⁴³. Более того, в плане другой будущей работы — «Марксизм и философия языка» (написанном, по утверждению Н. Панькова, не рукой Волошинова⁴⁴) находим главу IV, содержащую два пункта: «1. Философия языка и проблемы поэтики. 2. Формальный метод и борьба с ним»⁴⁵.

Становится очевидным, что в сознании **одного** из трех ученых, работавших в «тесном творческом контакте», проблемы книг ФМЛ и МФЯ присутствовали не просто одновременно, но *во внутренней смысловой связи*. Так сказать, нераздельно. Хотя и неслиянно. Только он и мог определенным образом (условно) разграничить концепции «языка» и «речевого произведения» и развернуть каждый из двух аспектов в отдельности (то есть превратить его освещение в книгу) — с учетом, разумеется, существования другого. Полностью аналогичную картину наблюда-

⁴¹ «...подготавливается к печати книга “Введение в социологическую поэтику” — около 8 печатных листов» (см.: *Паньков Н. А.* Мифологема Волошинова. Личное дело *В. Н. Волошинова* // ДКХ. 1995. № 2. С. 76).

⁴² «Четыре главы книги “Введение в социологическую поэтику”: Глава I — “Социологическая структура жизненных высказываний”; Глава II — “Социологическая структура “переживания” и “выражения”; Глава III — “Социологическая структура поэтической формы”; Глава IV — “Социология жанра”» (там же, с. 77–78).

⁴³ «...каким образом куски ФМЛ попали в аспирантский план Волошинова? Или, может быть, МФЯ тоже написал Медведев» (*Пешков И. В.* Один вопрос вокруг двух конференций. С. 182).

⁴⁴ *Паньков Н. А.* Мифологема Волошинова. С. 69.

⁴⁵ *Паньков Н. А.* Личное дело *В. Н. Волошинова*. С. 81. Спросим и мы у специалистов по «бахтинскому кругу»: уж не написал ли Волошинов «заодно» также ФМЛ?

ем в творчестве Бахтина и в более поздние годы: разработка проблем стилистики составляет, как известно, особый и очень важный *аспект* в исследованиях по теории романа. Но и наоборот: в работу над «металингвистической» книгой «Жанры речи» Бахтин включает результаты изучения романа⁴⁶.

Таким образом, мы не только получили дополнительный аргумент в пользу предложенной выше трактовки замечания Бахтина об общей для трех книг «концепции». Одновременно мы убедились в прочной взаимосвязи двух вопросов: об авторстве «спорных» книг и о внутреннем смысловом единстве результатов научного творчества Бахтина. Ключ к этому единству он сам и предложил в рассмотренном письме В. Кожину.

3. Автор биографический и автор «имманентный»: научный язык Бахтина и его «соавторов»

Начнем с непосредственных читательских впечатлений от текстов ученого. Они-то и наталкивают на поиски таких доказательств авторства, которые не связаны прямо с фактами биографии. Скажем, впечатление глубокого внутреннего (смыслового) единства в художественном произведении, автор которого нам неизвестен, позволяет утверждать, что он, по крайней мере, **есть** — в качестве организующей инстанции, создающей единство смысла. И мы можем **опознать** такого «имманентного» автора в

⁴⁶ *Паньков Н. А.* Вопросы биографии и научного творчества Бахтина. С. 574. Автор, в частности, цитирует здесь слова Бахтина из интервью газете «Советская Мордовия» (13 февраля 1966-го): «Я сейчас пишу книгу о речевых жанрах. Это будет проблемная работа, преимущественно на материале русского романа...»

разных текстах, даже если они не подписаны его именем или мы не знаем его биографии.

В самом деле, многие и многие читатели Бахтина, которые, знакомясь со «спорными» текстами, стремятся прежде всего понять их смысл (а, например, не ответить на животрепещущие вопросы: кто был рядом с этим ученым, когда текст книги создавался, и не помогал ли этот кто-то его создавать?), совершенно уверены, что эти тексты написаны именно Бахтиным. Эта уверенность вызывается следующей очевидной их особенностью: каков бы ни был специальный предмет той или иной работы — «социологическая поэтика» (ФМЛ), «социологическая наука о языке» (МФЯ) или социальная психология («Фрейдизм»), — самое сильное впечатление производят философская оригинальность и глубина, столь редко встречаемые в подобного рода специальных исследованиях. Впечатляет, как точно сформулировал С. Бочаров, «калибр ума», ощутимый, несмотря на очевидные сознательные усилия придать изложению «современный стиль» и популярность.

Между тем, если серьезные познания и интересы Пумпянского и — видимо, под его влиянием — Соллертинского в области философии достаточно известны⁴⁷, то ни Медведев, ни Волошинов, судя как по документам и публикациям (исключая, разумеется, «спорные»), так и по отзывам современников, не дали ни малейшего повода заподозрить их в попытках самостоятельно решать сложные философские вопросы.

Имеющиеся данные о занятиях П. Медведева теорией литературы делают весьма вероятным предположение о принадлежности его к особому направлению в этой облас-

⁴⁷ См.: Николаев Н. И. Невельская школа философии (М. Бахтин, М. Каган, Л. Пумпянский в 1918—1925 гг. По материалам архива Л. Пумпянского) // М. Бахтин и философская культура XX века. Вып. 1. Ч. 2. СПб.: Образование, 1991. С. 31—51.

ти науки: а именно — к исследованиям по *психологии творчества*⁴⁸. Это направление, отчасти совпадающее с охарактеризованной Бахтиным в «Авторе и герое...» экспрессивной эстетикой, в 1920-е годы было очень популярным, судя как по опубликованным книгам С. Грузенберга⁴⁹ и по известной работе А. Белецкого «В мастерской художника слова» (1923)⁵⁰, так и по неопубликованным тогда трудам Б. Грифцова «Психология писателя» (написана в 1923–1924 годах)⁵¹ и Л. Выготского «Психология искусства» (1925)⁵². С ним связано большое количество книг и статей о том, «как работал» тот или иной писатель, о «творческих историях» отдельных произведений и т. д.,

⁴⁸ В специальном, основанном на документах обзоре активной и обширной деятельности П. Медведева витебского периода (общественной, журналистской и преподавательской) сказано, что на его попутные занятия в области теории литературы повлияло сближение с проф. С. Грузенбергом. О том, как именно Медведев представлял себе предмет своих занятий, свидетельствует также приведенное в этой публикации его заявление о желании взять на себя чтение лекций по теории литературы: автор, по его словам, подготавливает «в настоящее время специальный труд по теории и психологии творчества» (Лисов А. Г. П. Н. Медведев в Витебске // ДКХ. 2000. № 2. С. 96, 115). Заметим, что ни о какой *психологии творчества* в ФМЛ ничего не говорится.

⁴⁹ Этот упомянутый А. Лисовым весьма известный в ту пору ученый и педагог издал в Минске (1923), а затем в Ленинграде (1924) книги по проблемам *теории и психологии творчества*. Интересно было бы сравнить с его идеями (см.: *Грузенберг С. О. Гений и творчество. Основы теории и психологии творчества*. М., 2009. — репринт второго издания) опубликованные недавно программы лекционных курсов П. Медведева.

⁵⁰ См.: *Юзенпуд А. А. Комментарии // Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы*. М.: Просвещение, 1964.

⁵¹ См.: *Зенкин С. Б. А. Грифцов — теоретик литературы // Грифцов Б. А. Психология писателя*. М.: Художественная литература, 1988.

⁵² См.: *Иванов Вяч. Вс. Комментарии // Выготский Л. С. Психология искусства*. М.: Искусство, 1968.

и т. п. В этом ряду находится и книга П. Медведева «В лаборатории писателя» (1933, 1960), куда включены, в частности, его исследования о Блоке⁵³.

Специфические научные интересы этого литературоведа вполне понятны и законны, разумеется, но их уж никак нельзя назвать философскими в точном смысле слова. Ни о каких трудах Медведева в области философской эстетики сведений также не имеется⁵⁴. И он, и Волошинов, по-видимому, были одаренными и знающими людьми, имеющими определенные заслуги перед наукой и культурой. Но попытки поставить их на один уровень с Бахтиным как теоретиков искусства (в частности, словесного) неизбежно приводят к результатам, отрицательным для их репутации⁵⁵.

Привлекает особое внимание тот факт, что специалисты по «бахтинскому кругу», посвящающие столько сил «разоблачению мифа» о ведущей роли в нем Бахтина, не

⁵³ См. список литературы по психологии творчества в: *Цейтлин А. Г.* Труд писателя. М.: Советский писатель, 1962. С. 578.

⁵⁴ В. Н. Волошинова, правда, один из исследователей его биографии в самом начале и в самом конце своей статьи называет «философом», но лишь исходя из существующих мнений о книге МФЯ, принадлежность которой этому автору он как раз и собирался доказать. См.: *Васильев Н. Л.* Творчество и личность В. Н. Волошинова в оценке его современников // ДКХ. 2000. № 2.

⁵⁵ В контексте такого *неправомерного приравнивания* сохраняют, увы, свою уместность жесткие, но основанные на личных впечатлениях суждения Л. Гинзбург: «не могли они так глубоко писать. Это же были примитивные люди», а вот «Пумпянский — другое дело» (см.: *Баевский В. С.* Две страницы из дневника // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб.: Алетея, 1995. С. 10—11). Близкие к ним оценки П. Медведева содержатся в переписке Андрея Белого с Ивановым-Разумником. Последний, отводя более резкие (с этической точки зрения) высказывания своего корреспондента об издательстве блоковского «Дневника», считает того всего лишь «бездарным» и «глупым», причем в этом отношении чрезвычайно типичным для переживаемого исторического момента. См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. СПб.: Atheneum, Феникс, 1998. С. 587—588, 591—592, 621.

только совершенно не дают себе труда разобраться в *философских основаниях* важнейших суждений о литературе или о языке, которые мы встречаем в так называемых «спорных» текстах, но и практически игнорируют уже проделанную огромную работу по изучению философской эстетики Бахтина, о которой мы выше упоминали.

Это, разумеется, не случайно. Исследование научного языка Бахтина, его тезауруса и его источников — необходимое как раз потому, что этот язык философски «фундирован», — не может не подорвать основу каких бы то ни было претензий атрибутировать основные идеи ФМЛ и МФЯ Медведеву и Волошинову. Достаточно с такой точки зрения сравнить «спорные» тексты с бесспорно принадлежащими каждой из сторон.

Сама идея такого сравнения впервые высказана, по-видимому, Бочаровым в уже упомянутой его статье: «Но каковы объективные показания самих спорных текстов? Их настоящее развернутое сопоставление, тематическое, концептуальное, терминологическое, стилистическое, с текстами Бахтина, кажется, еще не проводилось...»⁵⁶. Аналогичную мысль находим и у Вяч. Вс. Иванова: «Выявление собственно бахтинской части книги, изданной под именем Медведева, сейчас облегчено благодаря публикации более раннего эстетического трактата самого Бахтина, где излагаются сходные идеи о недостаточности “материальной эстетики”. По отношению к книге Волошинова аналогичное сопоставление с собственно бахтинским текстом возможно применительно к уже мной не раз упомянутой теме “чужого слова” как в почти одновременно написанной и напечатанной книге Бахтина о Достоевском, так и в последующих его текстах»⁵⁷.

⁵⁶ Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него. С. 75.

⁵⁷ Иванов Вяч. Вс. Об авторстве книг Волошинова и Медведева. С. 137.

Стоит заметить, что текстов, *бесспорно принадлежащих* Волошину и при этом имеющих отношение к «эстетике словесного творчества» (то есть не являющихся ни стихами, ни рецензиями или статьями на музыковедческие темы), насколько известно, пока вообще не обнаружено. Все, относящееся к этой дисциплине и опубликованное под его именем, как раз «спорно»⁵⁸. Но сравнение МФЯ с более поздними «металингвистическими» текстами Бахтина с целью решить проблему авторства первой книги этого рода уже было предпринято, о чем я скажу несколько позже.

По отношению же к ФМЛ сопоставление с бесспорными текстами как Бахтина, так и Медведева не только вполне возможно, но и недавно осуществлено⁵⁹.

Для тех, кто видит в Бахтине нестрого мыслящего философа-эссеиста (способного лишь на сочинение набросков и фрагментов), который, обращаясь к специальным областям литературоведения и лингвистики, вынужден был пользоваться помощью более компетентных в этих дисциплинах своих друзей, камень преткновения — существование неоспоримо принадлежащих Бахтину работ, гораздо более поздних, но *ничуть не менее специально-филологических*, чем книги, изданные под именами Медведева и Волошинова⁶⁰. Это литературоведческие исследова-

⁵⁸ Зато многозначителен и абсолютно бесспорен отмеченный Бочаровым «выразительный факт»: прекращение публикаций Волошинова «на лингвистические темы после 1930 г., когда Бахтин уехал в ссылку» (Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него. С. 77).

⁵⁹ В уже упоминавшейся моей статье «М. Бахтин и П. Медведев: судьба “Введения в поэтику”».

⁶⁰ В 1995 году В. Алпатов утверждал, что после МФЯ Бахтин «более не написал ни одного лингвистического труда» (Алпатов В. М. Бахтин под маской. Маска третья. В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. С. 80). Впоследствии, как мы увидимся, он свое мнение изменил.

дования «Формы времени и хронотопа в романе», «Эпос и роман» и некоторые другие. Это также работы, в основном, лингвистические или «металингвистические»: «Слово в романе», «Из предыстории романного слова», «Проблема текста» и «Проблема речевых жанров». (Конечно, наряду со своей *специальной* направленностью *все* только что названные труды ученого имеют и другие аспекты — философские или культурфилософские.)

В результате возникает следующая альтернатива. Сравнение «спорных» ранних работ ученого с бесспорными поздними либо ставит сравнивающих в сложное положение, из которого им не удастся найти хоть сколько-нибудь убедительный выход (так обстоит дело с литературоведческими текстами)⁶¹, либо вынуждает отказываться от радикальных суждений об авторстве (в случае с текстами лингвистическими)⁶².

⁶¹ По мнению одного из защитников тезиса «не Бахтин, а Медведев», решившегося на такое сравнение, поздний Бахтин развивал *формалистические* идеи о жанре, давно опровергнутые в книге П. Медведева. См.: *Захаров В. Н.* Проблема жанра в «школе» Бахтина (М. М. Бахтин, П. Н. Медведев, В. Н. Волошинов) // Русская литература. 2007. № 3.

⁶² Так, В. Алпатов по поводу МФЯ предположил, что «общая концепция» этой книги была разработана «в первую очередь Бахтиным», но «применялась к лингвистическому материалу вместе с Волошиновым, которому, вероятно, принадлежит основная часть текста книги». Однако в результате характеристики лингвистических идей позднего Бахтина тот же исследователь приходит к иному выводу: «Явно прослеживается идейная общность всех этих работ, но она естественна и в случае развития Бахтиным своих идей (в том числе перенесенных на бумагу соавтором), и в случае учета им идей покойного друга» (*Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. С. 117, 288). Этот второй вывод *приравнивает* два противоположных решения проблемы авторства, тогда как прежде аргументом исключительно в пользу авторства Волошинова служила высокая оценка его знаний в области лингвистики: «Профессиональным лингвистом там был только Волошинов» (там же, с. 117). Уж не эти ли специальные познания (даже если юрист

4. Проблема системного единства исследований Бахтина: два «ядра» или «двойной центр»

Что же именно в рассмотренном комплексе идей, который определяет характер современной рецепции трудов Бахтина, следует считать доминирующим началом или же ведущим «конструктивным фактором»?

Полагаю, что эту роль играет приведенный выше четвертый тезис *об отсутствии в его научном творчестве внутренней цельности и единства*, о том, что все, созданное этим ученым, — различные фрагменты (любой величины), написанные по разным случаям совершенно независимо друг от друга. Ведь эта идея высказывалась задолго до того, как началась недостойная возня вокруг авторства работ Бахтина, широко рекламируемая ныне ее инициаторами в качестве эпохального открытия.

Но это представление на самом деле прямо связано с вопросом об авторстве⁶³ — в частности, столь значимой для теоретической поэтики книги ФМЛ (1928): если об-

по образованию приобрел их за два года доучивания на другом — этнолингвистическом — факультете Петроградского университета) помог ли ему стать автором книги «Фрейдизм»? (ср.: там же, с. 82). Кстати, если учесть, что весной 1921-го Бахтин собирался читать в Орловском университете курс общего языкознания (см.: *Каган Ю. М.* О старых бумагах из семейного архива (М. М. Бахтин и М. И. Каган) // ДКХ. 1992. № 1), вряд ли он так уж нуждался в профессиональных знаниях Волошинова в области лингвистики.

В противовес такого рода попыткам разделить «общую концепцию» языка у Бахтина и ее «применение к лингвистическому материалу» Л. Гоготишвили убедительно продемонстрировала глубинную органическую взаимосвязь (неслиянность, но и нераздельность) как этих двух аспектов труда, изданного под именем Волошинова, так и металингвистических идей «раннего» и «позднего» Бахтина. См.: *Гоготишвили Л. А.* Непрямое говорение М.: Языки славянских культур, 2006.

⁶³ Ср. замечание о «двух противоречащих друг другу вопросах в бахтиноведении: 1)...об авторстве... 2)...под каким углом зрения следует рассматривать деятельность Бахтина: как неуклонное развитие

наружится, что в ней присутствуют те же взаимосвязанные идеи и понятия, которые есть в «бесспорных» и *при- том более ранних* текстах Бахтина и которых нет в столь же бесспорной и *более поздней* книге Медведева «Формализм и формалисты» (1934), к подробностям биографии обоих ученых можно не обращаться.

В связи с проблемой внутреннего смыслового единства научного творчества Бахтина мы сможем заново поставить и вопрос о принадлежности основных трудов этого автора к области *поэтики*, теоретической и исторической (напомню, что подзаголовок работы о формах времени и хронотопа — «Очерки по исторической поэтике»).

Что касается мнения на этот счет его самого, то задача создания **научной поэтики** была сформулирована Бахтиным еще в 1924 году, в неопубликованной тогда статье «Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве»: «Настоящая работа является попыткой методологического анализа основных понятий и проблем поэтики на основе общей систематической эстетики». И далее: **«Поэтика, определяемая систематически, должна быть эстетикой словесного художественного творчества»** (I, 265, 268—269).

Эти высказывания дают нам право, по меньшей мере, на гипотезу, согласно которой основные исследования Бахтина относятся к области именно так понятой научной дисциплины, границы которой очерчены, с одной стороны, философией, с другой — лингвистикой. Но представляют ли они собою некоторое единство идей и понятий?

определенного корпуса идей или же как цепь резких и неожиданных поворотов. Оба вопроса, конечно же, внутренне связаны между собой, хотя в литературе о Бахтине они обычно рассматриваются отдельно» (Томсон К. Диалогическая поэтика Бахтина // ДКХ. 1994. № 1. С. 64). Ср.: Балабанова И. Н. Бахтин и маски: проблема автора // The Seventh International Bakhtin Conference. B. 1. Moscow, 1995. P. 64.

И каким образом организовано это неэксплицированное единство, если оно действительно существует?

Эти вопросы — лишь часть более широкой дискуссионной проблемы «наличия или отсутствия в текстах Бахтина единой “общеконцептуальной основы”»⁶⁴, проблемы, которая уже специально рассматривалась. Предлагаемое нами сужение поля исследования — до собственно поэтики, включая ее философские основания, — в данном случае не только оправданно, но и необходимо⁶⁵. Оно позволит, как мы надеемся, избежать необходимости предварительно зафиксировать «каркас общефилософской позиции Бахтина», прежде чем переходить к разработанным ученым «частнонаучным терминам»⁶⁶. Ведь для нас самое главное — как связывает понятия поэтики с философскими их основаниями сам Бахтин?

Ныне, как уже говорилось, чрезвычайно широко распространено убеждение в том, что Бахтин выражался исключительно метафорически. Мысль о «вызывающе-неточном языке» этого ученого была со всей определенностью высказана, по-видимому впервые, в известной статье М. Гаспарова⁶⁷ и благодаря авторитету этого выдающегося филолога оказала на так называемую бахтинологию столь сильное воздействие, что за нею полностью проглядели другую мысль той же статьи (присутствующую в том же

⁶⁴ *Гогтишвили Л. А.* Варианты и инварианты М. М. Бахтина // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 115—116.

⁶⁵ И в таком плане вопрос уже ставился. См.: *Бонецкая Н. К.* Эстетика М. Бахтина как логика формы // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации.

⁶⁶ *Гогтишвили Л. А.* Варианты и инварианты М. М. Бахтина. С. 121.

⁶⁷ *Гаспаров М. Л.* Бахтин в русской культуре 20-го века // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 111—114. За прошедшие годы статья неоднократно перепечатывалась в различных изданиях.

абзаце) — об «органической цельности бахтинского мировоззрения». По причине своей авторитетности упомянутая оценка языка работ Бахтина, как правило, не подкрепляется никакой аргументацией.

В одной из работ утверждается, например, что «в контексте бахтинского творчества понятие “роман” порой приобретает характер метафоры, что, естественно, осложняет попытки его строгого прочтения сторонниками четких определений, в том числе и с точки зрения классических категорий исторической поэтики»⁶⁸.

Казалось бы, что стоит «сторонникам четких определений» рассмотреть выделенные Бахтиным (в работе «Эпос и роман») *три структурные особенности* этого жанра и сверить с ними значение термина «роман» в различных исследованиях этого автора? А что если различные случаи употребления этого термина друг другу строго соответствуют? И еще: к числу «классических категорий исторической поэтики», надо полагать, относится и сюжет. Есть ли основания считать, что в исследовании Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе», имеющем подзаголовок «Очерки по исторической поэтике», сюжет романа рассматривается **не** в традициях этой научной дисциплины? С нашей точки зрения, трактовка сюжета в исследовании — как комплекса мотивов — вполне аналогична употреблению этого термина А. Веселовским.

Но если не подвергать тезис о метафоричности языка Бахтина никакому сомнению, если считать метафорами или символами и «бахтинскую концепцию слова», и «понятие карнавала», то открываются совершенно иные и, главное, ничем не ограниченные возможности обращения с текстами этого автора: ведь *расшифровка* таких «симво-

⁶⁸ Осовский О. Е. Человек. Слово. Роман. (Научное наследие М. М. Бахтина и современность.) Саранск: РИК Трио, 1993. С. 72.

лов» целиком и полностью зависит от собственных задач интерпретатора и от его изобретательности.

Например, в работе о связи Бахтина с художественной культурой XX века можно заявить, что роман для этого автора — вовсе не литературный жанр, а «модель» современной ученому «культурной ситуации». Конечно, это породит некоторые вопросы — например: «Почему именно роман Бахтин счел моделью современной ему культуры»? И если у интерпретируемого автора ответа на один из подобных вопросов не найдется, это послужит поводом для сожалений: как видно, Бахтин — в отличие от более широко и одновременно более точно мыслящего исследователя его творчества — «таким вопросом не задавался»⁶⁹.

Несмотря на «метафоричность», равно как и на другие, многократно обсуждавшиеся непривычные особенности слога Бахтина, речь в данном случае (по крайней мере, на наш взгляд) идет о науке. И, следовательно, единство творчества этого автора может быть раскрыто лишь на основе изучения его научного языка как системы понятий⁷⁰.

Однако система эта сложилась не путем развертывания и детализации неких заранее сформулированных философских предпосылок, а в результате применения в

⁶⁹ См.: *Богатырева Е. А.* Драммы диалогизма: М. М. Бахтин и художественная культура XX века. М.: Школа Культурной Политики, 1996. С. 67, 86—87, 102, 126.

⁷⁰ Именно этого недостает, на наш взгляд, упомянутой работе Н. Бонецкой. Сопоставляя концепции «формы» в ранних исследованиях Бахтина и в книге о Достоевском, автор этого исследования не анализирует само понятие «полифонический роман» как определение типа жанровой формы, оставаясь в пределах общеэстетической трактовки «формы». Но без такого анализа никак нельзя уверенно утверждать, что, по Бахтину, «роман Достоевского, являющийся самой жизнью, выходит за пределы литературы...» (*Бонецкая Н. К.* Эстетика М. Бахтина как логика формы. С. 56).

различных областях исследований внутренне единой, но каждый раз заново — причем лишь в данном частном аспекте — реализуемой методологии. При отсутствии формулировок **самых общих** исходных идей, системный характер придает терминологии Бахтина постоянное воссоздание разными конкретными высказываниями единого неформулируемого контекста⁷¹.

Известно, что Бахтин рассматривал язык вообще «не как систему абстрактных грамматических категорий, а как язык **идеологически наполненный**, язык как мировоззрение и даже как конкретное мнение» (ВЛЭ, 84). Подойти с такой точки зрения к языку работ самого ученого означает, по-видимому, выявить внутренние семантические связи между важнейшими словами и выражениями, имеющими в его текстах статус терминов⁷². Реальное значение последних, по-видимому, и прояснится в контексте этих связей⁷³.

Напротив, убеждение в том, что в «мире Бахтина <...> нет симметричной соотнесенности понятий и положений, нет даже терминологической четкости (терминологический “импрессионизм”), зато присутствуют темноты: провалы и зияния»⁷⁴, легко может привести к подмене действительной системности этого «мира» желаемой или

⁷¹ Ср. подход к проблеме системности «ведущих идей» научного творчества Бахтина в кн.: *Zytko B. Michaił Bachtin*. Gdańsk, 1994.

⁷² См.: *Садецкий А.* Диалогическое становление. (Слово Бахтина в оригинале и в переводе: проблемы дискурсивной аксиологии) // Бахтинский тезаурус. М.: РГГУ, 1997.

⁷³ См.: *Тамарченко Н.Д.* Поэтика Бахтина: уроки «бахтинологии». Обоснованию такого подхода к предмету посвящена значительная часть материалов «Бахтинского тезауруса».

⁷⁴ *Шульц С.А.* Проблема целостности научного творчества М. М. Бахтина и идея ответственности // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 1998. № 2. С. 13. Постановка проблемы научного языка Бахтина в упомянутых выше работах здесь совершенно не учтена.

приемлемой для исследователя «целостностью». Из подобных предпосылок «выводится», например, такое частное проявление «руководящих идей»: «Автор, выполняя функцию завершения и оформления героя, в то же время входит своим голосом и своим кругозором в голос и кругозор героя»⁷⁵. Нетрудно заметить, что в этой формулировке Автор-творец смешивается с «вторичным автором», а «голос» — с «точкой зрения» (или кругозором), тогда как «импрессионистичный» Бахтин в обоих случаях разграничивал смежные понятия.

На почве идеи «метафоричности» понятий, образующих фундамент основных научных концепций Бахтина, раскрыть их внутреннюю взаимосвязь невозможно. Например, в одной из новейших работ выдвигается задача рассмотреть две главные книги ученого «как единое целое». Используемый метод — сравнение подборок наиболее репрезентативных (с точки зрения исследователя) цитат из этих книг. Вот результат сравнения: «Итак, мир Достоевского, его вселенская церковь, дан Бахтиным как чистая и незавершенная сфера идеи <...> как жизнь души, стоящей на пороге “последних вопросов”; а мир Рабле, его народное тело, — как вещественный мир, где жизнь вечно “неготового” тела запечатлена как бы на пороге, в “самый момент перехода и смены” <...> Что же может объединить эти два мира и упразднить существующий между ними порог? По Бахтину, таким объединяющим началом оказывается карнавальный смех...»⁷⁶

Как видно, сравнение проводится без попытки выделить научные понятия, на основе «образных выражений», а приводит оно к утверждению, которое прямо противоположно исходному тезису о «едином целом»: странный

⁷⁵ Шульц С. А. Указ. соч. С. 16.

⁷⁶ Тахо-Иоди Е. «Поэтика порога» у М. М. Бахтина // Тахо-Иоди Е. Великие и безвестные. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 615, 618.

вид имеет *целое*, составные части которого разделяет нуждающийся в упразднении «порог». И действительно, несколько дальше выясняется, что две книги содержат абсолютно взаимоисключающие миры, которые соединены лишь «непрочной бахтинской перекладиной», подменяющей собою идею «всеединства»: «Может ли объединить карнавал или диалог, или хронотоп эти два полюса — материально-телесный “земной рай” Рабле, где “качает черт качели” (Ф. Сологуб) гротескного верха и низа, и неовещественный “духовный ад” Достоевского..?»⁷⁷ Отрицательный ответ автора на этот вопрос вполне очевиден.

В области «эстетики словесного творчества» интересующие нас семантические связи строятся, надо полагать, с одной стороны, **вокруг феномена художественного произведения как результата «встречи сознаний» автора и героя**. Средоточие всех понятий, связанных с этой проблемой, — категория «**завершения**», то есть понятие об *эстетически значимой границе* между миром героя и действительностью Автора-творца и читателя. С другой стороны, «**ядро**» этой системы в неменьшей степени — **проблема романа**, то есть такого типа произведения, который является живым опровержением классической эстетики, ибо строится на **совершенно ином** (гротескном) **варианте границ художественного целого, на незавершенности**⁷⁸.

Принято считать, что любая система идей как таковая — результат развертывания и конкретизации одной

⁷⁷ Тахо-Годи Е. Указ. соч. С. 620.

⁷⁸ На этом основании некоторые исследователи говорят о том, что переход к изучению романа связан у Бахтина с негативной оценкой «феномена завершения». См.: Грюбель Р. Проблема ценности и оценки в творчестве Бахтина // ДКХ. 2001. № 1. С. 59. Но мы видим в статье «Эпос и роман» не негативную, а, напротив, исключительно высокую оценку художественности древней эпопеи.

исходной идеи-прообраза: такова, например, гегелевская философская система. Иначе говоря, согласно господствующим представлениям, всякая система идей *гомогенна*: ее аспекты и составные элементы имеют один общий источник.

Существует и попытка решить проблему единства научного творчества Бахтина именно с такой точки зрения. По мнению известного исследователя, изначальная «идея» («в платоновском — отчасти и в бахтинском смысле») — «образ бытия как этической вселенной, где индивиды связаны нравственными связями», или вкратце — «бытие-событие». И эта «конкретная интуиция бытия» прошла в творчестве ученого несколько «стадий логического развития»: «поступок, диалог, карнавал как “веселая преисподняя”» или, в других формулировках, — стадии «пред-диалогическая, диалог, вырождение диалога в карнавал»⁷⁹.

На наш взгляд, изложенная концепция — вполне принципиальная и последовательная **монологизация** творчества Бахтина, при всех попутно сделанных оговорках о его *диалогичности*; в качестве принципа, определяющего ход его развития, подспудно используется *диалектика*⁸⁰. Между тем хорошо известно, что для Бахтина принципиальное значение имело как раз противопоставление диалектики диалогу. Разумеется, на это можно сказать, что ученый про-

⁷⁹ Боневцкая Н. О единстве творчества Бахтина // The Seventh International Bakhtin Conference. В. 1. Р. 195а — 198.

⁸⁰ Еще более удивительный пример такой монологизации — книга А. Калыгина (*Калыгин А. Ранний Бахтин: эстетика как преодоление этики. Эго-персонализм, лирический герой и единство эстетических теорий*. М.: РГО, 2007), в которой единственной формой воплощения автора в любом произведении признается «лирический герой», а отсутствие в работах Бахтина прямой констатации этого факта считается достаточно убедительным свидетельством попыток ученого решить сложные личные этические проблемы посредством создания особой системы эстетических идей.

являл непоследовательность, опровергая (невольно) собственные глубоко продуманные идеи. И все же концепция «диалектического саморазвития» творчества Бахтина нуждается в дополнительной аргументации, более основательной, нежели кажущаяся универсальность избранной модели творческой эволюции.

Однако представление об исходящей из одного и единственного источника и саморазвивающейся системе⁸¹ в любом случае нельзя считать единственно возможным. Известно, что, по Бахтину, сложная и многосторонняя целостность некоторых явлений культуры — в частности, словесного творчества — может быть результатом сближения и взаимообогащающего влияния разнородных источников, то есть она может иметь *гетерогенную* природу. Об этом свидетельствует, например, его известная мысль о *трех разных корнях* европейского романа: эпическом, риторическом и карнавальном (VI, 123)⁸².

Такова же, на наш взгляд, и система идей самого ученого: она сложилась не путем «выведения» многообразных понятий и трактовок конкретных фактов из некоего единственного исходного принципа, универсальной категории или из одной (пусть даже внутренне противоречивой) модели-прообраза. Наоборот, она формировалась в процессе соотнесения самостоятельных и самоценных идей в разных областях науки, в ходе сопоставления и сведения друг с другом различных исходных принципов

⁸¹ «...диалог противостоит любому отождествлению единства и единственности, что и является базовой характеристикой монологизма» (Гиришман М. Очерки философии и филологии диалога. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2007. С. 54).

⁸² Ср.: «...вопреки Бахтину, генезис романа был не моноцентричным, а полицентричным. Далеко не все романы могут быть сведены к карнавальному архетипу (в том числе и романы Достоевского)» (Смирнов И. П. От сказки к роману // ТОДРЛ ИРЛИ. Вып. XXVII. История жанров в русской литературе X—XVII вв. Л.: Наука, 1972. С. 289).

и моделей и открытия их никем не предвиденной соотносительности как равноправных и взаимоосвещающих.

Мы предлагаем гипотезу о «двойном центре», о **взаимодополнительности** (не вообще, разумеется, а в системе идей Бахтина) взаимоисключающих, казалось бы, **категорий «завершения» и «незавершенности»**.

В пользу такого предположения говорит та часть работы «Автор и герой в эстетической деятельности», в которой Бахтин стремится «дать общую формулу их взаимоотношений». Герой должен быть незавершенным для себя, в собственном кругозоре: «Своею завершенностью и завершенностью события жить нельзя, нельзя поступать; чтобы жить, надо быть незавершенным, открытым для себя <...> надо ценностно еще предстоять себе, не совпадать со своею наличностью». Но автор, как сказано чуть выше, «ориентирует героя и его познавательно-этическую ориентацию в принципиально завершенном мире бытия, ценного помимо предстоящего смысла события самим конкретным многообразием своей наличности» (I, 95). Взаимодействие позиций незавершенного изнутри героя и завершающего его извне автора и есть та встреча сознаний, которая создает форму художественного целого.

При этом имеется в виду как будто лишь один возможный вариант этого взаимодействия и его результирующей формы: «Сознание героя, его чувство и желание мира — предметная эмоционально-волевая установка — со всех сторон, как кольцом, охвачены завершающим сознанием автора о нем и его мире: самовысказывания героя охвачены и проникнуты высказываниями о герое автора». Именно такова «общая формула основного эстетически продуктивного отношения автора к герою» (I, 95—96).

Однако тут же сообщается и о «трех типических случаях отклонения от прямого отношения к герою», связанных с утратой «ценностной точки вненаходимости». К одному из них («герой завладевает автором») «относятся почти все главные герои Достоевского» (I, 99—101). И это отнюдь не случайно: в написанной вскоре Бахтиным кни-

ге о творчестве этого романиста утверждается, что сознание героя охвачено не завершающим сознанием автора, а его же (героя) *самосознанием*. Следовательно, граница художественного целого создается встречей сознаний и кругозоров *не автора и читателя, а читателя и героя* (Автор-творец — организатор этой встречи).

По сути дела перед нами — соотнесенность «классической» эстетики завершенности с эстетикой незавершенности, которая строится на осмыслении *гротескных форм и традиций*. В этой ранней работе такая соотнесенность только намечена, но в последующих трудах ученого она многократно воспроизводится в различных вариантах — вплоть до прямой формулировки противостояния двух эстетических норм, имеющей (в рамках творчества Бахтина) поистине универсальное значение.

В книге о Рабле эта идея проявляется в противопоставлении «классического» и «гротескного» образов тела, в статье «Эпос и роман» — в контрасте между «зоной максимально близкого контакта» при построении образа героя в романе и «абсолютной эпической дистанцией», а также между самим романым героем как несовпадающим с собой — и тождественным себе эпическим героем. А также в характеристике смеха и образов народного театра масок как подлинного фольклорного источника романа. Наконец, такова же и логика противопоставления романа с его гротескными формами другим жанрам: «в установке на завершенность выражается классичность всех нероманных жанров» (ВЛЭ, 464).

Если рассматривать важнейшие идеи Бахтина не изолированно, а в соотнесенности друг с другом, определяющая значимость в его творчестве **допущения двух сосуществующих и взаимодополняющих эстетических норм** становится очевидной.

Приняв за исходный пункт логического развертывания «эстетики словесного творчества» новую концепцию «художественного произведения в слове» (оригинальную трактовку категорий формы, содержания и материала, автора и

героя), мы видим, что его следующий пункт — решение проблемы типических вариантов художественного целого, то есть жанров, в особенности жанра романа (понятия «стилистической трехмерности», «незавершенного настоящего» и «зоны контакта»). Каждое из этих понятий раскрывается у Бахтина и в аспекте исторической поэтики (в работах о слове и о хронотопе в романе). Наконец, в исторической перспективе ученый осмысливал судьбы романа в категориях философии культуры («гротескный реализм» и «карнавализация»).

Сказанное характеризует, конечно, логику взаимосвязей, сложившихся уже *в ходе и в результате* разработки Бахтиным различных проблем и аспектов заново создаваемой философско-филологической науки. Эта новая дисциплина имела своей целью, в частности, синтез достижений «молодой русской поэтики» и эстетики символизма⁸³. О такой задаче — соотнести исследование содержания, то есть ценностной структуры эстетического объекта, с изучением материала (и, в связи с ним, техники) литературных произведений — и говорила формула «эстетика словесного творчества».

* * *

Полемическое замечание В. Махлина «в тексты Бахтина еще не ступала нога человека (исследователя)», конечно, сознательно заостряет сложившуюся ситуацию. Правда в том, что в последние два десятилетия тексты ав-

⁸³ Одной из первых роль для Бахтина принципиального различия двух эстетик — «материальной» и символистской — оценила О. Седакова: «М. М. Бахтин на полпоколения “старше” формалистов. Они — теоретики времен футуризма, он — мыслитель конца символизма» (Седакова О. М. М. Бахтин — еще с одной стороны (к тезисам М. Л. Гаспарова) // Новый круг (Киев). 1992. № 1. С. 116).

тора книг о Достоевском и Рабле редко вообще внимательно читаются или перечитываются: странно ведь было бы так относиться к тому, что «всем компетентным людям уже давно и хорошо известно». Иначе ведут себя, с такой точки зрения, лишь те, кто чего-то не понял или не осведомлен об исчерпывающих разъяснениях авторитетных ученых. И уж тем более лишь в исключительных случаях тексты Бахтина анализируются.

Систематический анализ идей ученого — дело, во всяком случае, не менее правомерное, чем столь популярное стремление использовать его работы как удобный повод и материал для самораскрытия⁸⁴. Читателю, который стремится войти в мир его исследований, не будучи уверен в том, что благодаря повсеместному употреблению слов «диалог», «карнавал» и «хронотоп» ничего непонятого в этом мире уже не осталось, такой анализ может быть полезен. Он также представляется нам задачей более достойной, чем слишком частые (но, по большому счету, совершенно бессмысленные и бесполезные) попытки «разоблачить» Бахтина.

⁸⁴ Ср.: «Бахтин оставляет собеседнику возможность свободного конструирования личных мыслительных композиций, лишь косвенно связанных с побудительной первопричиной» (*Исупов К.* От редакционной коллегии // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. С. 3).